

А.А. Грезнева

Присяжные поверенные о революционных организациях в России (вторая половина XIX в.)

На базе вводимых в научный оборот речей присяжных поверенных (адвокатов) дается анализ их взглядов на специфику и методы деятельности ряда революционных организаций. Выступления адвокатов оказали плохую услугу общественному сознанию, т.к. нередко представляли политических террористов «невинными жертвами обстоятельств».

Ключевые слова: политические процессы, присяжные поверенные, адвокаты, государственные преступления, тайные сообщества, процесс «50-ти», процесс «193-х», процесс «11-ти», В.Н. Герард, Н.М. Соколовский, В.Д. Спасович.

Деятельность присяжных поверенных (адвокатов) в России во второй половине XIX в. представляет огромный научный интерес. Учреждение нового института в условиях либерализации русской жизни, равно как даваемые революционному движению оценки со стороны защитников вызвали широкий общественный резонанс, а произносившиеся на политических процессах речи присяжных поверенных содействовали формированию гражданского правосознания. Указывая на специфику понятия «государственное преступление», адвокаты предлагали своеобразную интерпретацию дефиниций («посягательство на государственный и общественный порядок», «протест против существующего строя», «насильственное стремление к изменению государственного и общественного устройства», «неповиновение» и «сопротивление» верховной власти, «поричание образа правления», «заговор», «пропаганда» и др.), под которые подводилась суть политических преступлений. Попытаемся в настоящей статье осветить аргументацию присяжных поверенных

по вопросам образования тайных обществ, выявления их особенностей и методов работы.

Обращаясь к этимологии термина «сообщество», известный присяжный поверенный второй половины XIX в. В.Д. Спасович указал на происхождение его от корня «*общий*». Но ведь «общего я могу иметь много с разными людьми, с одними любовь к скульптуре, с другими убеждения религиозные, с третьими привычки общежития или наклонности политические...» [10, с. 140]. Близкое общение (обмен идей, чувств или услуг), «задушевное» знакомство, по мнению защитника, не являются достаточным для придания данному термину революционного характера. Как *status in statu*, тайное общество – это «живая клеточка», которая воспринимает извне не только какую-либо информацию, но, перерабатывая ее, воздействует на окружающее пространство. Оно представляет собой постоянный союз лиц, решившихся «преследовать по известному плану или уставу политическую революционную цель, например, цель пропаганды идей, которые в более или менее отдаленном будущем, если распространятся и усвоятся, произведут бунт и переворот» [Там же, с. 141].

Более того, В.Д. Спасович заявил, что деятельность тайного общества, хотя по природе своей и имеет политический смысл, но оценивается все-таки по присущему ей социалистическому характеру, т.е. предполагающей разрушение основ общественной жизни, религии, семьи и собственности, возбуждение вражды между сословиями и пр. Для такого общества обязательно присутствие лиц, подчиненных определенному уставу и преследующих одинаковую цель, а также внутренняя и внешняя организация, устав и сеть общин с центром в Москве. В отношении членов московской организации, обвинявшихся в составлении «противозаконного сообщества» (рассматривавшееся с 21 февраля по 14 марта 1877 г. дело «50-ти»), эти элементы далеко не все соблюдены [Там же, с. 143].

Помощник присяжного поверенного Ф.А. Нечаев определил революционную организацию как «тесный союз людей, соединившихся для достижения противоправительственных целей» [2, с. 3]. По оценке В.Н. Герарда, тайное сообщество должно быть упорядоченным и организованным¹. Оно, судя по выражению Г.В. Бардовского, представляет собою «нечто цельное и правильно организованное» [7, с. 3]. Функционирование организации невозможно без учредителя и распределения обязанностей между ее участниками [Там же]. На процессе «11-ти» (6–14 мая 1880 г.) А.И. Любимов указал на то, что для сообщества требуется «нечто вроде

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 797. Л. 32–51

устава, нечто вроде программы деятельности, программы для всех обязательной» [9, с. 4].

Создание тайного сообщества, по мнению адвоката К.К. Арсеньева, предполагает существование лиц, стоящих выше остальных «и по своим способностям, и по положению, и по энергии своей натуры», а также единомышленники его членов к реализации намеченной цели [6, № 166, с. 2]. Разделив эту точку зрения, А.И. Урусов подчеркнул, что костяк любой организации составляют люди опытные, прошедшие «искус политических волнений», умеющие «повелевать своими страстями» и приобретать авторитет над другими [Там же, № 165, с. 3]. Подпольное учреждение подчиняет свободу лиц «непреклонной дисциплине, судит и казнит их суммарным порядком» [Там же]. Однако если А.И. Урусов проводил мысль о насильственной смерти представителей сообщества при всяких обстоятельствах как единственного способа борьбы с сопротивлением, то В.Д. Спасович, напротив, утверждал, что революционная организация в силу «органической необходимости» своего существования обязана допускать возможность подобного исхода, но только в случае грозящей ему измены [Там же, с. 6].

По убеждению защитника Н.М. Соколовского, такие признаки тайных сообществ, как наличие цели, четкая организация и внутренняя иерархия подчинения, свидетельствуют об их непосредственном развитии внутри общества¹. Солидарность по этому вопросу выразил В.А. Кейкуатов. Руководствуясь «здравым смыслом», он добавил, что деятельность каждого сообщества сопровождается проведением регулярных собраний, а схема действий его членов должна строго регламентироваться; в противном случае речь будет идти только об обычных сходках лиц, собравшихся для обсуждения различных вопросов «без всякой системы и порядка»².

При анализе речей присяжных поверенных особый интерес вызывает постановка адвокатами закономерного вопроса: позволяют ли выявленные на политических процессах второй половины XIX в. факты говорить о единой революционной организации, стремящейся к ниспровержению государственной власти в России? При ответе на него защитники давали неоднозначные ответы, приводя следующие доводы и аргументы.

Так, по убеждению В.Д. Спасовича, участники процесса «50-ти» не поняли суть поставленных перед ними целей и задач. Соответственно,

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 797. Л. 104

² Там же. Л. 126 об. – 127 об.

московской организации как упорядоченной ячейки не существовало, т.к. она объединяла людей с различными представлениями о социальных, политических и иных вопросах. «Что в недрах этой, – констатировал защитник, – если она действительно существовала, организации были страшные разногласия, диаметрально противоположные мнения, на это есть указание в письменном архиве, который так богат и разнообразен по настоящему делу» [10, с. 150–151]. Между тем, в любом революционном сообществе, словно «в ковчеге Ноя, сосуществуют и взаимно себе помогают всякие животные – и рядом с человеком, который говорит: бунтовать, убивать, стрелять, – может быть человек, который по принципу не способен убить даже муху» [Там же, с. 151].

По политическому делу «193-х» (18 октября 1877 г. – 23 января 1878 г.) адвокат В.Н. Герард подчеркнул, что был кружок близких друг другу лиц, обсуждавших социальные вопросы и средства к изменению положения народа в лучшую сторону, а это не означало согласия его членов в выработке единых методов действий. «Ведь очевидно в подобных кружках среди молодежи переговориться обо всем, о всевозможных мерах, даже о таких, которые невозможны для самого говорящего, когда он начнет обсуждать их на другой день. Сегодня придумываются известные средства, а в конце концов кончается тем, что приходят к тому или другому результату, совершенно противоположному, а чаще всего ни к какому и каждый расходится, оставаясь при своих собственных убеждениях»¹. Созвучным стал вывод В.С. Самарского-Быховца: по «глубокому убеждению» он отрицал существование «грозного» сообщества и находил в рассматриваемом деле лишь «отдельных личностей», против которых можно было выставлять то или иное политическое обвинение².

Разноплановость взглядов обвиняемых ярко продемонстрировал защитник Н.М. Соколовский, приведя следующий наглядный пример: «Положим, я исповедую известные убеждения и хочу провести их в жизнь путем законным, например, подбором известных цензурных книг, например, социальных; ведь есть такие книги, в которых и такие, и сякие проводятся убеждения. Другой же берет иной путь, путь пропаганды. Ведь между ними и мною, пожалуй, существует общее дело. Мы можем говорить “наше дело”, “наша задача”. Но дело-то не в нашем деле, не в нашей задаче, а в тех путях, которые мы избрали,

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 797. Л. 40.

² Там же. Д. 798. Л. 17.

а эти-то пути и расходятся»¹. Соответственно, выражения «наше дело» и «наша задача» не только, по мысли Н.М. Соколовского, не являются признаком существования революционного сообщества, но даже и необходимым элементом, образующим преступную единоличную деятельность.

Таким образом, в обстоятельствах процесса «193-х» нет возможности уловить «физиономию» кружков. «Например, – рассуждал Н.М. Соколовский, – в обвинительном акте говорится, что Воронцов составил кружок, – один Воронцов. Затем Троицкий и Гейштор составили кружок, это мы понимаем. Но как же я один могу воплотить в себе альфу и омегу этого собирательного числа этой юридической единицы? Затем Андреева составила революционный кружок, из кого же? Из гимназистов, из которых один “дворец труда” написал, а другой, махая линейкой, изображал из себя Наполеона»². На это место речи первоприсутствующий сделал замечание, попросив защитника дать «более серьезный тон» своему выступлению.

Несостоятельность связи революционных кружков между собой также подчеркнул присяжный поверенный В.Д. Спасович, сославшись на нормативно-правовое законодательство: «Закон определяет кружок численности не менее 3-х лиц; где же они? Устюжанинов умер, Панютина играла пассивную роль, остается один Щепкин, да разве один человек может составить кружок»³. Для доказательства реального существования преступной группы обвинение должно указать на «главнокомандующего» и его «штаб», обнаружить ту «руку», которая непосредственно направляла «революционные силы» подсудимых, что, в свою очередь, невозможно увидеть в настоящем деле⁴. Вдобавок Е.И. Утин выделил отсутствие определенных целей, программы и отработанной схемы действий, т.е. необходимых факторов, образующих понятие противозаконного сообщества⁵.

Нарисованная обвинением картина процесса «193-х» не соответствовала действительности. «Очевидно, что строго определенной цели, которая связывала бы всех членов, не имелось, а существовал хаос понятий; собиравлись лица, которые задумали что-то совершить, но сами не отдали

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Д. 797. Л. 105 об.

² Там же. Оп. 1. Л. 106 об. – 107.

³ Там же. Д. 771. Л. 88.

⁴ Там же. Д. 797. Л. 108.

⁵ Там же. Д. 798. Л. 106.

себе отчета в том, что они задумали, чего они хотят, какие избрать средства для осуществления какой-то, для них самих неясной и неопределенной цели»¹.

Наличие преступного сообщества по делу И.М. Ковальского и др. (19–24 июля 1878 г.) отрицал А.К. Рихтер, указав на слишком маленький срок деятельности организации (со времени составления прокламации «Голос честных людей»), а также на скудные материальные средства. Свою точку зрения защитник доказывал путем следующих умозаключений: «Как бы ни была преступна эта прокламация... как бы ни были возмутительны сделанные в ней указания, от которых каждый добросовестный и честный человек отвернется с омерзением, но, все-таки, сказать, что это воззвание “Голос честных людей” составляет программу какого-нибудь тайного политического общества, в которой намечен ход деятельности, могущей привести сговорившихся к ниспровержению существующего в России порядка государственного управления, невозможно. Документ этот преступен; он производит даже весьма и весьма тяжелое впечатление на всякого человека, каких бы он убеждений ни был, но в нем, все-таки, нет ничего и похожего на программу какого-нибудь политического общества» [3, с. 3].

Еще более категоричнее высказался Г.В. Бардовский: «Если представитель обвинительной власти обвиняет подсудимых в том, что они создали тайное общество, то он должен доказать, что это общество существовало с правильным уставом и с правильным распределением барышей между участниками и кто был учредителем этого общества» [8, с. 3]. Именно этих элементов, по аргументации адвоката, не обнаружено, что отмечалось другими защитниками по этому делу.

П.А. Андриевский сомневался в отношении применения к подсудимым ст. 318 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», предполагающей наличие более или менее правильной организации сообщества, деление его на кружки и иные признаки [4, с. 3]. Из обстоятельств же процесса В. Малавского и др. (6–8 июля 1879 г.) усматривается только то, что был «какой-то кружок более или менее знакомых между собой лиц, но до такого кружка, сообщества в смысле известной организации очень далеко» [Там же].

Отсутствие противозаконного сообщества по делу Н. Антушева и др. (11 апреля 1880 г.) доказывал помощник присяжного поверенного А.Н. Успенский, заметив, что нет письменных документов, указывающих

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Д. 797. Л. 128 об.

на преступную деятельность членов организации, а также на явную противоречивость свидетельских показаний [1, с. 4].

На процессе «11-ти» защитник А.А. Шумахер убеждал, что выявленные факты свидетельствуют об отсутствии единой организации, стремящейся к уничтожению власти в России посредством единых методов; есть только ряд отдельных фракций, действующих различными путями. Раскрывая особенности противозаконных группировок второй половины XIX в., он подчеркнул: «Одна партия действует только путем пропаганды, другая считает нужным прибегнуть к активной борьбе с правительством и, наконец, третья, наиболее опасная фракция, есть та, которая стремится захватить в свои руки власть путем заговора или государственного переворота» [5, с. 3]. Наличие признаков политического преступления напрямую зависело от интерпретации употребляемых этими фракциями средств, примеры чему очевидны. «Государственный преступник Соловьев покушался на жизнь священной особы государя императора. Между тем Мирский заявил на суде, что он не сочувствовал этому преступлению Соловьева и вообще цареубийства не признает. Наконец, подсудимая Бардина, судившаяся по одному московскому делу, прямо заявила на суде, что она не имела никакого намерения идти далее мирной пропаганды» [Там же].

Ввиду неоднозначной трактовки признаков государственного преступления присяжные поверенные указывали на необходимость конкретизировать определения, объясняющие суть преступлений этого рода. В частности, разъяснению различий терминологических понятий «тайное общество» и «заговор» посвятил часть своего выступления присяжный поверенный К.К. Арсеньев, так сформулировав особенности каждого из них: заговор – это «кружок людей, которые поставили себе строго определенную задачу, которые стремятся, во что бы то ни было, прямо и непосредственно, к своей цели, подчиняя ей все свои остальные действия и намерения» [6, № 166, с. 2]. В отличие от него тайное общество может «в отдаленном будущем» иметь те же цели, но оно «действует средствами не прямыми, идет путями косвенными, и разве со временем предоставляет себе перейти к другому способу действий, более близкому к понятию о заговоре» [Там же].

Несколько иную мысль провел присяжный поверенный А.И. Урусов. Для заговора характерна вполне определенная, «всем известная, всеми принятая» цель. Действия заговорщиков к реализации ее предполагают приобретение оружия, назначение времени и места восстания, распределение ролей в принятии насильственных мер. А поскольку в процессе «нечаевцев» названные признаки никак не наблюдаются,

то, по мнению А.И. Урусова, налицо предстает тайное политическое общество с противоправительственной целью. В данном случае следовало говорить не о заговоре, как доказывало обвинение, а о тайном обществе, несшем наименьшую опасность для существования государства. Воплощением его стало «московское сообщество» С.Г. Нечаева [6, № 165, с. 2].

Защитники В.Д. Спасович и Н.С. Таганцев отрицали возможность предварительного сговора ряда лиц судебного дела «193-х» по причине различия намерений и несоответствия убеждений самих обвиняемых¹. В.А. Кейкуатов вовсе указал на отсутствие сплоченности членов сообщества. Из процесса видно, что «то там, то сям собирается кружок лиц, из которых многие, не зная друг друга, приходят на эти собрания совершенно случайно, приходят то в одну, то в другую квартиру... Одни говорят, что цель общества должна заключаться в этом-то, а другие опровергают эту цель и утверждают, что она должна заключаться в ином. Можно ли такие собрания признать тайными политическими сообществами, когда самая цель составляет еще предмет дебатов?»².

Таким образом, анализ речей присяжных поверенных продемонстрировал витиеватость суждений защитников в изображении специфики революционных организаций и особенностей (преступное стремление к уничтожению семейных, нравственных и религиозных ценностей, а также к ниспровержению или изменению существовавшего государственного и общественного устройства), которыми они в реальности должны были обладать. Понятие тайного сообщества, по мнению адвокатов, состоит из нескольких, вполне определенных признаков, главные из которых – внутренняя и внешняя иерархия, присутствие руководителя (или руководителей) организации, обязательная для всех членов общества программа действий, согласованность в выборе методов. Судя по выступлениям присяжных поверенных, далеко не все обстоятельства политических процессов второй половины XIX в. соответствовали наличию подобных признаков, что не давало защитникам возможности, с одной стороны, характеризовать тайные сообщества титулом «революционные», а с другой – и вовсе говорить о существовании таковых.

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 799. Л. 199. Д. 800. Л. 62.

² Там же. Д. 797. Л. 127 об. – 128

Библиографический список

1. Берег. 1880. № 37 (23 апреля).
2. Вечерняя газета. 1877. № 87 (31 марта).
3. Голос. 1878. № 227 (18 августа).
4. Голос. 1879. № 248 (8 сентября).
5. Новое время. 1880. № 1530 (2 июня).
6. Правительственный вестник. 1871. № 165 (13 июля); № 166 (14 июля).
7. Русские ведомости. 1878. № 212 (21 августа).
8. Русский мир. 1878. № 222 (16 августа).
9. Современность. 1880. № 99 (11 июня).
10. Спасович В.Д. Соч. Судебные речи (1875–1882). СПб., 1894. Т. VI.